

Михаил Фишман

Преимник

История Бориса Немцова
и страны, в которой он
не стал президентом

издательство АСТ

Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Начало пути. 1987–1989

Нужен ли суд над палачами?

Ни темп, ни содержание перестройки не устраивали Николая Ашина, 24-летнего сотрудника НИРФИ, Научно-исследовательского радиофизического института города Горького. Во-первых, начатые Горбачевым реформы казались ему половинчатыми. Во-вторых, неверным ему представлялся исходный посыл: разве может коммунистическая система сама себя реформировать? Ашин интересовался политикой и решил делать газету — точнее, не газету, а стенгазету, которая в единственном экземпляре висела прямо у входа в столовую института, то есть не заметить ее было невозможно. Первый номер газеты вышел в ноябре 1987 года, а программная статья за подписью Ашина начиналась так: “Со страниц газет, экранов ТВ звучат призывы — выдвигать, выбирать, активно участвовать, активно обсуждать — в рамках социалистической законности, конечно. Демократизация — в рамках социалистического плюрализма. Гласность, открытость, свобода критики — но объективно и конструктивно. Извините, но все это было и при Сталине — в известных пределах. А пределы эти сейчас, так же как и тогда, устанавливают все те же организации”.

И стенгазета в НИРФИ, и статья Ашина неслучайно появились именно в этот момент. С одной стороны, в 1987-м гласность достигла пика, уже трещала по швам коммунистическая идеология, и даже в официальной партийной прессе обсуждалось все то, о чем молчали много десятков лет. Журналы миллионными тиражами публиковали запрещенных писателей. На экраны выходили фильмы, которые годами пылились на полках. Моментально превращались в кумиров молодые ведущие ток-шоу на телевидении, каких советские телезрители никогда не видели. Ничего этого нельзя было себе представить всего полтора-два года назад. С другой стороны, власть КПСС была еще сильна, и внутри партии уже оформлялась консервативная оппозиция перестройке и Горбачеву, ведомая Егором Лигачевым, вторым лицом в коммунистической иерархии. И как раз в те дни, когда Ашин работал над первым номером своей стенгазеты, Борису Ельцину, тогда популярному главе Московского горкома КПСС, устроили обструкцию на очередном Пленуме Центрального комитета *. Начинали

* 21 октября 1987 года Борис Ельцин, прогрессивный руководитель Московского горкома КПСС, неожиданно взял слово на Пленуме ЦК, дежурном партийном мероприятии, посвященном обсуждению доклада к 70-летию революции: сбивчиво раскритиковал секретаря ЦК Егора Лигачева и Политбюро в целом, самого Горбачева за складывавшийся культ личности и попросил вывести его из кандидатов

проступать контуры политической борьбы, которая предопределила историю наступающего десятилетия: справа на Горбачева давят коммунистические ортодоксы из Политбюро, а слева поднимается звезда Ельцина. На страну вдруг свалилась свобода — в первую очередь свобода печати. Но огромная советская партийная машина не собиралась сдаваться без боя, а кому-то, как молодому антикоммунисту Ашину, перестройка казалась неполной и лицемерной.

Гласность началась в январе 1987 года — именно тогда, пролежав два года на полке, на экраны вышел фильм “Покаяние” грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, притча о тиране, внешне похожем одновременно на Берию и на Сталина. Гласность стала синонимом десталинизации. В широкую печать хлынул поток свидетельств о массовых репрессиях — поток правды, от которой кровь стыла в жилах и о которой советский народ в то время имел весьма смутные представления: еще не были открыты архивы, еще не был опубликован в журнале “Новый мир” “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, еще не было четкого представления о масштабах жертв. “Всех, кто заглядывал в основные российские газеты или журналы в 1987 или 1988 годах, сразу же окружали имена, лица, голоса — призрак разрушенных жизней соотечественников — оклеветанных, арестованных, подвергнутых пыткам, расстрелянных, замученных голодом или сведенных в могилу непосильным трудом”, — писал исследователь перестройки Леон Арон¹. Генеральная линия партии, разумеется, не успевала за духом времени: в официальных партийных документах репрессии уже осуждались, но еще отмечался выдающийся вклад Сталина в социалистическое строительство.

Николай Ашин был настроен бескомпромиссно. Он требовал суда над палачами: “Произвол, безнаказанность любых самых заштатных, даже внештатных сотрудников [КГБ. — М. Ф.] на протяжении десятилетий породили в людях неискоренимый животный страх, который, став неотъемлемой русской национальной чертой, «генетически» передается из поколения в поколение, — писал он в той самой программной статье. — Преодолеть это наследие нам помог бы свой Нюрнбергский процесс над виновниками репрессий тех лет”.

Вокруг газеты в институте поднялся шум. Но в НИРФИ царили либеральные нравы — даже по тем временам. Комитет комсомола института разобрал личное дело Ашина и постановил: “Считать правильным курс газеты на создание в институте атмосферы гласности”². Разумеется, статья Ашина активно обсуждалась, в том числе и в его родном отделе теоретиче-

в члены Политбюро. В ответ члены ЦК один за другим заклеили Ельцина как отщепенца, противопоставившего себя партии. Ельцин покаялся, но 11 ноября его сняли с руководства Московским горкомом, а вскоре Горбачев отправит его на малозначительную должность первого заместителя председателя Госстроя.

ской физики. 28-летний физик Борис Немцов, коллега, научный руководитель и одновременно близкий приятель Ашина, решил написать ответ. Он был опубликован в следующем номере газеты. И это было первое политическое выступление Немцова. «Статья написана по-граждански, честно, смело, эмоционально, что, несомненно, привлекает читателя. Тем не менее ряд предложений автора я не могу поддержать, — писал Немцов. — В первую очередь это касается предложения о проведении Нюрнбергского процесса над участниками репрессий сталинского режима. Дело в том, что большинство из них либо умерли, либо старые беспомощные люди. Конечно, желание возмездия велико, но чувство мести и жажду крови вряд ли можно отнести к проявлению высокого нравственного начала, а ведь именно нравственное очищение должно быть целью подобных мероприятий. Я уже не говорю о том, что даже если бы вопрос о судебном процессе был бы решен положительно, то перед присяжными сразу бы возникли непреодолимые трудности: отсутствие доступа к архивам, документам, наконец, отсутствие официальной поддержки. Короче говоря, предложение заманчивое, но вряд ли осуществимое. Мне кажется более реальным организовать сбор средств для строительства памятника (можно и скромного обелиска или доски) жертвам сталинского террора».

Немцов — физик

Немцов родился в Сочи, где познакомились и тогда жили его родители: мать, Дина Яковлевна, родом из Горького, окончила Горьковский медицинский институт и работала врачом-педиатром, а отец, инженер, занимал высокую должность в сочинском строительном главке. У отца когда-то фамилия была Немцев, но после войны носить такую фамилию стало неловко, и он поменял в ней букву. Брак у родителей получился несчастливый, у самого Немцова детские воспоминания об отце остались тяжелые, и напряжение в отношениях сохранялось потом всегда, вплоть до смерти отца в 1988 году.

Когда Боре было семь лет — он только пошел в первый класс, — родители развелись. Отец уехал в Москву, на повышение, а мама с Борей и его старшей сестрой Юлей вернулись обратно в Горький. Там они с тех пор и жили — в маленькой двухкомнатной квартире в хрущевке, сначала втроем, а потом впятером, когда сестра вышла замуж и родила ребенка. Жили очень бедно: мама работала в больнице, денег всегда не хватало, и Боря уже в шестом классе разгружал продукты в соседнем магазине, чтобы немного подзаработать. «Будешь плохо учиться — будешь жить в нищете», — вспоминал потом Немцов одно из главных маминых наставлений. — Эту фразу она повторяла все время, и к девятому классу я ее выучил»³.

Учился Немцов очень хорошо, окончил школу с золотой медалью, но, как рассказывала мама, дисциплина всегда хромала и его дневник пестрел

замечаниями, что он на уроке шумел, болтал, смеялся и т. п. Удивительно, но Боря Немцов не вступил в комсомол. В 70-х годах это было редкостью: отсутствие комсомольского значка фактически ставило любого старшеклассника в положение изгоя. В его выпускной характеристике было отмечено, что Немцов “политически неустойчив”, и оба этих обстоятельства практически закрывали ему возможность поступить в институт. Увидев характеристику, Дина Яковлевна схватилась за голову и побежала в школу. “Но ведь Боря действительно политически неустойчив”, — разводил руками директор школы. Тем не менее он дал себя уговорить и заменил эту характеристику на более мягкую: “Позволяет себе политически непродуманные высказывания”⁴.

Политически неустойчивым Боря Немцов оказался вовсе не потому, что был в школе воинствующим антисоветчиком. На самом деле в юности Немцов не испытывал интереса к политической жизни, в активисты не собирался, а диссидентом прослыл благодаря одной из главных черт своего характера — отсутствию самоцензуры. Немцов всегда говорил то, что думает. Через несколько лет он так и скажет в одном из интервью: “Я не коммунист по убеждениям. Но антикоммунист — это уже слишком свирепо и предполагает активное противодействие”⁵.

Невероятно способный, Боря Немцов со старших классов много занимался физикой и математикой и поступил на радиофак Горьковского государственного университета. Радиофизика процветала в Горьком с середины 40-х годов XX века, когда в местном университете открылся первый в стране радиофизический факультет. В середине 50-х появился НИРФИ, и его родоначальниками стали сильнейшие физики того времени — представители научной элиты. В середине 70-х знаменитый выпускник горьковского радиофакультета академик Андрей Гапонов-Грехов основал в Горьком ИПФАН — Институт прикладной физики. Там же, неподалеку от Горького, разместились важнейшие секретные военные производства — выпускали подводные лодки, истребители и пр. Так в Горьком обосновался цвет советской научной интеллигенции, а местные институты стали рассадниками вольнодумства. Благодаря работе над ядерной бомбой и начавшейся вместе с ней гонке вооружений физика и математика всегда занимали в советской науке особое, привилегированное положение, и советская власть позволяла математикам и физикам немного больше свободы, чем остальным.

Окончив радиофак с красным дипломом, Немцов пошел работать в теоретический отдел НИРФИ. НИРФИ считался менее престижным, чем ИПФАН, куда из НИРФИ вслед за Гапоновым-Греховым перешли многие ведущие сотрудники, однако теоретический отдел НИРФИ по-прежнему котировался высоко. Научным руководителем Немцова стал его дядя Вилен Эйдман, тоже известный ученый и ученик академика Виталия Гинзбурга (в 2003 году Гинзбург получит Нобелевскую премию). “Отец мой

был суровым, жестким человеком и никогда не стал бы возиться со своим племянником, если бы тот не был очень способным физиком, — говорил о Вилене Эйдмане его сын и двоюродный брат Немцова Игорь Эйдман. — Борю он считал чрезвычайно одаренным человеком и сулил ему блестящую научную карьеру”⁶.

В середине 80-х распространение нелинейных волн считалось сложной и актуальной областью физической науки. На радиофизическом факультете изучали в основном электромагнитные волны, но лозунг факультета звучал так: “Физика для радио и радио для физики”. Основная идея заключалась в том, что любые нелинейные волны фундаментально похожи, вспоминает физик Лев Цимринг, однокашник и приятель молодости Немцова. “Факультет прививал нам культуру: в основе всего лежит теория колебаний нелинейных волн, — объясняет Цимринг, — а дальше ты можешь применить ее к разным областям. Нас учили ее применять и к радиоволнам, и к физике плазмы. Этим Боря и занимался в НИРФИ”⁷. “На столе и на полу все было завалено листками с формулами. Даже будучи в гостях у моих родителей, он все писал эти формулы”, — вспоминала потом Дина Яковлевна⁸.

Поверхностность может быть и недостатком, и достоинством. “Такое ощущение, что ученый пытается охватить многое, как бы разрывается на части — вместо того, чтобы сосредоточиться на одном конкретном направлении”, — писал о кандидатской диссертации Немцова журналист Егор Верещагин⁹. Действительно, можно стать экспертом в какой-либо конкретной области, а можно применять более широкий взгляд на вещи и, наблюдая за аналогиями в разных сферах, находить универсальные закономерности, незаметные узким специалистам. “Мы занимались динамикой жидкости, — вспоминает Цимринг, — волнами в океане, неустойчивостями, которые производят ветровые волны, такого рода вещами. А ему пришло в голову посмотреть, что будет, если сделать примерно то же самое в акустике, — и так ни с того ни с сего он занялся акустикой. Он безболезненно перескакивал из одной сферы в другую”¹⁰. Так родилась идея акустического лазера, которым Немцов стал заниматься впоследствии. Немцов-физик оказался похож на будущего Немцова — политического оратора: ни в чем не разбираясь детально и глубоко — за что его часто будут критиковать, — он сможет доступно объяснять суть происходящего и этим завоеует свою огромную популярность.

В НИРФИ на Немцова не давили: институт позволял своим сотрудникам заниматься тем, чем они хотели. Немцова отлично знали и в соседнем ИПФАНе, потому что он регулярно посещал тамешние семинары. Работал он и со студентами. Его будущий помощник и секретарь Александр Котюсов пришел к 27-летнему Немцову в 1986 году, на 4-м курсе. Он прекрасно помнит их первые встречи в НИРФИ: из-за секретной военной те-

матики в институте была специальная система пропусков, и выше второго этажа посторонних не пускали, поэтому Немцов занимался со студентами на окне между вторым и третьим этажами института...¹¹

Самый свободный человек

В горьковской научной среде Немцова нельзя было не знать — да и не только в ней. Главные черты характера, которые сыграют определяющую роль и в его карьере, и в его жизни, были присущи ему уже тогда — огромная самоуверенность, абсолютная раскованность, граничившая с развязностью, и полное отсутствие подобострастия, граничившее с наглостью. “Наглый и суперэкстраверт”, по описанию товарища Немцова, физика из ИПФАНа Павла Чичагова, он резко выделялся в любой компании, и прежде всего в своей родной, научной: кудрявый красавец, статный сексапильный плейбой, на ученого он был на первый взгляд совсем не похож¹². Его успех у женщин стал притчей во языцех еще со студенческой скамьи.

В самом центре Горького, в садике Свердлова, есть два грунтовых теннисных корта; институт арендовал там несколько часов в неделю, и еще с 70-х годов молодые физики ходили туда играть в теннис. Модный заграничный спорт, теннис тогда был чем-то вроде форточки в запретную западную жизнь — особенно в Горьком, в те застойные годы депрессивном и мрачном городе: несколько научных институтов в окружении унылых рабочих кварталов — один только Горьковский автозавод, где делали знаменитые “волги”, представлял собой город в городе. В начале 80-х, в апогей брежневского застоя, расчехлить здесь теннисную ракетку, пусть в лучшем случае эстонского производства, и достать теннисные мячи, пусть уже и заграничные до полного польсения, было особым шиком. Немцов очень любил спорт и спортивный образ жизни. Он мог подтянуться до тридцати раз подряд. Когда в холмах неподалеку от города появилась горнолыжная база — он встал на горные лыжи; когда начал ездить в Сочи — бросился осваивать серфинг. Естественно, Немцов не мог пройти и мимо тенниса.

Студентка Горьковского театрального училища Наталья Лапина увидела Немцова на теннисном корте в 1981 году — Немцов только защитил диплом и перешел в НИРФИ. “Какой красивый парень! Наверное, иностранец”, — подумала Лапина: настолько Немцов с теннисной ракеткой в руке выделялся на фоне горьковской повседневности. Она села рядом и стала ждать — учить роль. И не зря. “Девушка, у вас очень информативный взгляд”, — сказал ей Немцов. “Ого, — подумала Лапина, — слово-то какое: информативный”¹³. У них немедленно завязался роман. Лапина жила в поселке Сормово, одном из промышленных пригородов Горького, где был расположен завод по производству подводных лодок и где ее каждодневный путь домой пролегал мимо пивных ларьков и их нетрезвых завсегдатаев.

Через шесть-семь лет Лапина станет известной актрисой и одним из секс-символов позднесоветского кино, а пока 22-летний Немцов, одетый в красный спортивный костюм, провожал 18-летнюю красавицу на автобусе в рабочее Сормово — о том, чтобы поехать на такси, ни один из них не мог тогда даже подумать.

Немцов любил женщин, но еще больше он любил науку. Он приходил в институт днем, но мог потом сидеть на работе и писать формулы до поздней ночи. Немцов вообще умел легко переходить из одного режима в другой и был удивительно работоспособен. Этому помогало отсутствие привязанности к спиртному — Немцов никогда много не пил. «Люди же пьют, чтобы расслабиться, а ему это было просто не нужно, — объясняет Цимринг, — у него и так всегда был язык развязан. Зачем пить?»¹⁴ Он был настолько свободен от правил и конвенций, что в студенческие времена в хорошую погоду ходил по городу босиком — пока его не ударило током, когда он встал одной ногой на подножку троллейбуса, а другую еще не успел оторвать от земли.

В своих воспоминаниях физик Маргарита Рютова приводит пример немцовой раскованности. Впечатленный работами Немцова об излучении движущихся источников, академик Гинзбург привлек его к научным конференциям, которые с 1984 года организовывал в Сочи известный физик Вадим Цытович. Идея конференций заключалась в том, чтобы собрать вместе ученых, и известных, и не очень, но уже заметных в своих областях, и обсуждать в этом кругу проблемы современной науки и на стыке разных наук. Сочинские конференции были весьма престижными, для любого молодого ученого это было приглашение в клуб избранных. Немцов это приглашение принял как должное. Вот как Рютова описывает типичную сцену на конференции в Сочи в 1986 году, когда туда впервые позвали Немцова. У доски держит доклад Исаак Халатников, основатель Института теоретической физики имени Л. Д. Ландау в подмосковной Черноголовке, один из лучших преподавателей московского Физтеха, специалист в космологии и теориях сингулярности: «Халатников вел рассказ своим мягким голосом, аккуратно рисуя графики и покрывая доску системами уравнений, не пользуясь при этом никакими бумажками. Плавно текущий доклад спокойно переплетался с вопросами, на которые Халат отвечал четко и вежливо, пока в игру не вступил Немцов:

— Исаак Маркович, вы хоть понимаете, чего вы там пишете?

Халатников, очень вежливо:

— Да, Боря, это компоненты пятимерного метрического тензора.

— Небось, когда пользуешься пятимерным пространством, думать надо»¹⁵.

На конференции Немцов не позволял себе разговаривать в таком тоне только с самим Гинзбургом, но и с тем держался абсолютно свободно — примерно так же, как он через несколько лет будет общаться с Борисом Ель-

циным. “Он ни перед кем никогда не заискивал, — говорит Цимринг, — и на лекциях всегда себя вел точно так же: очень свободно. Он был свободный человек. Я был не такой свободный, как он”¹⁶. Все Немцову давалось легко, без напряжения сил — и успех в науке, и радости частной жизни.

Со своей будущей женой Раисой Немцов познакомился в очереди в столовую Горьковского кремля. В обкомовской столовой, как ее называли в народе, была сносная еда, а система советских привилегий в этом конкретном случае работала так: до двух часов дня в столовую пускали только чиновников и высокопоставленных коммунистов, а уже после — простой народ. Естественно, собиралась очередь. Приходил и 23-летний Немцов и со свойственной ему наглостью пристраивался к кому-нибудь поближе к кассе. Это было начало 1983 года. У Немцова в это время был роман с другой девушкой (что, конечно, не мешало ему флиртовать). Раиса, сотрудница местной библиотеки, была старше Немцова на три года и замужем за военным, хотя к тому моменту брак фактически распался. “Боря вошел в столовую, и все девушки, которые были рядом, сразу ахнули. Потому что необыкновенно красивый молодой человек, с очень яркой внешностью: высокий, с миндалевидным разрезом глаз, огромной копной волос, бородой, и очень шумный, сразу в центре внимания, — вспоминает Раиса Немцова. — Я понимала, что этот мужчина не для меня. Во-первых, я была старше. Во-вторых, я была не совсем свободна. И Боря тоже был несвободен. Когда мы увидели его девушку, то мы поняли, что нам здесь делать нечего. Девушка была тоже хороша собой”¹⁷.

Однако родители девушки, за которой Немцов тогда ухаживал, состоятельные и успешные люди, посчитали мезальянсом брак с научным сотрудником НИРФИ и, надавив на дочь, вынудили ее расстаться с молодым человеком, который не мог наскрести себе на штаны. В марте Немцов позвал Раису поехать с ним погулять в Москву. Остановиться они должны были у его отца. “Хм, — подумала Раиса, — так это что получается: у нас серьезные отношения?” Так и вышло: хотя в гостях у отца Немцова в Москве они спали в разных комнатах, тот принял Раису как невесту. Впрочем, Немцов с юности смотрел на отношения с женщинами свободно и не собирался жениться даже тогда, когда Раиса сказала ему, что беременна. Но тут уже настояла Раиса: “Он хотел, чтобы было как обычно. А я думала: как я буду рожать ребенка от человека, за которым я не замужем? И я сказала: так не будет! И мы поженились”¹⁸.

Свадьба была очень скромной: собрали близких друзей дома у одного из немцовских приятелей. Деньги на кольца молодожены потратили на более важные в хозяйстве вещи. Жить им тоже было негде, и поначалу Немцов и Раиса ютились все в той же двухкомнатной хрущевке — вместе с Диной Яковлевной, сестрой Юлией, ее мужем и их ребенком. К марту 1984 года они сняли отдельную однокомнатную квартиру — там и роди-

лась Жанна. Друзья пугали Немцова, что теперь он не сможет заниматься наукой из-за постоянного недосыпа, но Жанна оказалась очень спокойным младенцем. Она хорошо спала, а Немцов сидел рядом и писал свою диссертацию.

Вокруг бурлила перестройка, но молодой физик не обращал на общественную жизнь большого внимания. В его компании политика была далеко не главной темой для дискуссий. “Были разговоры и про политику, естественно, — вспоминает Раиса, — но не такие бурные, как про науку. Когда мы ходили в гости, мы говорили только о науке”¹⁹. В первую очередь Немцова целиком занимала физика, а во вторую — спорт и молодая семья. И когда Немцов писал в институтской газете ответ своему приятелю Ашину в декабре 1987 года, он и подумать не мог, что политика станет делом его жизни.